

И.Н.Макаров

Иркадий

18+

Игорь Николаевич Макаров

Аркадий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53410618

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99168-2

Аннотация

Писанина эта, пожалуй, несвоевременная, а публикация этой книжонки – дело заведомо провальное и убыточное. Едва ли она найдет своего читателя, по простой причине: стихов у нас не читают и в них мало разбираются, что естественно. Так что данные опасения оправданы. Можно ещё добавить, если, конечно, она увидит свет, и до неё доберется критика, то, безусловно, разделает её в пух и прах, за издевательство над русским языком, особенно литературным и, в частности, за глумление над канонами стихосложения. А ещё можно добавить Пушкина и его почитателей... Летальный исход этой писанине обеспечен. Кошмар!

Содержание

Несколько слов от автора	4
Вступление 1	7
Примечание к вступлению	9
Глава первая	11
Примечание к первой главе	40
Глава вторая	43
Примечание ко второй главе	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Игорь Макаров Аркадий

Несколько слов от автора

Писанина эта, пожалуй, не своевременная, а публикация этой книжонки – дело заведомо провальное и убыточное. Едва ли она найдет своего читателя, по простой причине: стихов у нас не читают и в них мало разбираются, что естественно. Так что данные опасения оправданы. Можно ещё добавить, если, конечно, она увидит свет, и до неё доберется критика, то, безусловно, разделает её в пух и прах, за издательство над русским языком, особенно литературным и, в частности, за глумление над канонами стихосложения. А ещё можно добавить Пушкина и его почитателей... Летальный исход этой писанине обеспечен. Кошмар! Не стоит даже вспоминать. Лучше оставить эти опасения и расчёты без ответа и не стоит ими забивать голову. Зачем? Что это даст?

Почему же я всё же решил выставит эту писульку на суд, предвидя её жалкую судьбу? Просто она мне основательно надоела, а лучший способ избавиться от неё, как от навязчивой идеи, – отправить её гулять по белому свету. Что из этого получится – может решить только время, возможно опровергнув мои умственные заключения о своих трудах, может

быть и не безнадежных, или подтвердит их. Всё едино.

Уже прошло более двадцати лет со дня написания сего опуса, надеюсь, после столь лет выдержки, оно сохранило не только аромат прошлой эпохи, но и некоторый художественный вкус и изыск.

Вступление¹

*Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло,
она лишь вместительница и блага и зла,
смотря по тому, во что превратят её
все.*

Мишель Монтень

Когда чужое вдохновение
Нам спать с тобою не даёт,
Когда разумное сомнение
В душе тихохонько умрёт,
Мы тешим наше честолюбие
Стишком-другим, и рифмоблудие
С тобой зачем-то бережем,
Пока, как Гоголь, не сожжем,
И бросим это дивное занятие
И станем деток пестовать,
Судьбу безжалостно ругать.
Мы – люди... и с тобою братья,
А жизнь прописана вперёд:
Кривая всех людей ведёт.
Не знаю вот куда, зачем
И как рулит она меж тем?
Но я? Я только забавлялся,

И на себя кафтан старался
Напялить задом наперёд.
Пуускай не в моде он, и мне не впору,
Пуускай смешу честной народ
И без меня уж всяческому вздору
Его учить пытались много лет.
(Для рифмы: бабам мой привет)²
Я, всё ж, чужие панталоны
На свой примерил тощий зад.
Пуусть морщатся опять мадонны,-
Я – шут, но этому не рад.
Зачем тащить сей крест старинный?
Зачем? Мне это не понять.
Зачем компьютер свой гонять
И корчить вид притом невинный?
Я сам себя здесь не пойму.
Ну, плагиат? Так быть ему!

Примечание к вступлению

¹ Первоначально было написано другое вступление, ближе к посвящению, как было принято во времена Пушкина. Вот его кусочек:

Вслед за великими лениво
Бреду неспешно, много сплю,
Вздыхаю, и рукой ревниво
У лиры струны тереблю.
От критиков не жду поблажек,
А от читателей – любви,
От скуки намарал бумажек,-
Какие есть ты их прими.
Ошибок не ищи. Не надо.
Их много здесь. Одна отрада:
Ты посмеёшься надо мной
И скажешь: «Ладно, бог с тобой».
и так далее.

² Кажется, у Пушкина есть строка: « (Для рифмы: дамам мой привет)». Именно так, в скобках. Поскольку век наш более груб и менее утончён, то я переделал эту строчку в духе времени. Тем паче я давно слыву за грубияна, слава богу, не развратника. Причина тут одна: эти самые дамы довольно сильно достали в этой жизни, по причине моего образования

в нашей общеобразовательной школе, где меня прессинговали по всему полю славные училки, а в институте на одного индивида мужского пола приходилось пять – женского. Если добавить ещё мою профессию, то тушить свечи мне придется по полной. Где ты раздельное образование! Где баба богини!

Глава первая

*Друзья Людмилы и Руслана
С героем моего романа,
Без предисловий сей же час
Позвольте познакомить Вас.
А.С.Пушкин.*

I

"Какая здесь ужасная дыра?
Как не свихнулся ещё я?
Пора уж смыться мне. Пора:
Измаялась душа моя,
И перспектив в помине нет,
И не маячит дальше свет...",-
Так размышлял приятель мой,¹
Валяясь на кровати и с тоской
Он костерил посёлок свой,
И невский берег он пустой
С большою грустью поминал,
И львами душу донимал,
И волю чувствам чёрным дал,
И мрачно на судьбу роптал.

II

Он помянул любимый бар,

Как там бывало он пивал
Не опасаясь разных кар...
И здесь едва не застонал.
Он перебрал ещё друзей,
Красоты моря и морской музей,
И Эрмитаж, где не бывал,
И ресторан, бедлам и храм,
Где он частенько пропадал,
Где друг-швейцар огромный хам.
Он помянул ещё кой что,
Но как-то было всё не то.
Он с этим в горе погрузился,
А вечер в окна уж просился.

III

Ну что ж: пора его представить.
Как лучше? Уж не знаю я.
И не хочу, да лень исправить:
Так пусть ведет нас колея!
Аркадий Бийски, сэра и гранда,²
Чуть-чуть пижона, слегка педанта,
Но славный малый, ей же бог!
Не верите? А есть ли прок?
Его причуды я писать бы мог,-
Не будем же на это строить слог.
Мы их оставим на "потом",
Пойдём проторенным путём,

Что Пушкин указал давно.

Пусть будет так! Нам всё одно.³

IV

Не убежать нам от великих,

Да поучиться не грешно,

Чтоб не копать в рифмах диких,

Самим чтоб не было смешно.

Пример подам, как верный ученик

В строфу "Онегина" проник:

По юности его прочёл,

В нём всё прилежно разобрал,

Немного сложного нашёл,

И этак гордо намарал

Роман о разных мелочах -

Неважных в Ваших-то очах.

На Пушкина сим покусился, -

Он сам на это напросился.⁴

V

Прости, поэт, наш свет убогий,

Меня, за то, что я смеюсь,

Что не ценитель я престогаий-

Авторитетов не боюсь,

Что труд напрасный произвёл,

Что параллель уже повёл

Меж тем далеким идеалом,

Меж тем бездельником бывалым,

Тогда уже почти что галлом,
Онегиным сим славным малым,
И меж Аркадием моим,
И между мной, как знать, самим.

Но мы сонету не изменим, ⁵
Пора уже, пластинку сменим.

VI

Вот так: однажды в час утра,
Тому годков так двадцать два,
В деревне, что была дыра -
Какая вяжется канва? -
Родился мой герой отважный, -
Рождением осчастливлен каждый, -.

И заорал. Избавь мя бог,
И от детей, и от хлопот!
Я б описать пелёнки мог,
Жаль – опыт у меня не тот.
Оставим прозу матерям,
Судить не следует гостям:
Ведь нам давно уж слова мама,
Звучит чуть пошло, словом, дама.

VII

Но детство жизни,
Как и детство мира,
Здесь сказано без укоризны,
Ещё чуть-чуть игра сатира:

И выкинуть его нельзя,
И впечатленья детства зря
Над всем довлеют не шутя,
Пока по миру мы бредём,
Едим и много пьём, хотя
Давно другим живём.
Но все прекрасные картины,
Раздольные, широкие долины
Из детства давнего идут,
И сами по себе живут.

VIII

Прожив в пелёнках лет до трёх,
Вступил он на стезю иную-
Бранить её нам будет грех-
Детсадовскую, в общем – то простую.
Но кто ж в детсаде не бывал?
Кто ложек манкой не марал?
Кто по команде не вставал?
Кто с дисциплиною дружил?
Кто строим детским не шагал?
Кто по часам не ел, не пил...
Таких, пожалуй, не назвать,
И ум не стоит утруждать.
Конечно, можно что сказать,
Но всё ж могу я вам соврать.

IX

Уже давно, в те славные года,
Меня пленяла воля, за собой маня.
Пусть сути я её не знал тогда,
Лишь детский садик доставал меня.
И посему, бросая нянь,
Ещё я в утреннюю рань
Бесстрашно в щели убежал,
Свободу пыльную глотал,
Себя надменно утверждал,
Хоть и по шеи часто получал.
Но всё равно я убежал
И кашу с детства не едал;
И до сих пор не ем, друзья,
Не принимает всё душа моя.

Х

Пока я рос, как у дороги
Растет бурьян не нужный никому,
Но если им поранят ноги-
Тогда несдобровать ему.
Его корчуют, вырывают,
Обиды в злобе не прощают,
Но ценят нежные цветы,
И нежно гладят лепестки,
А ими-то всегда горды:
Лелеют нежные ростки,
Растят укрытых под стеклом,

Растят в довольствии большом,
Боясь, что ветер колыхнет,
Мороз нечаяннодохнет.

XI

Цветком таким Аркадий рос:
Красивым, белокурым, славным.
Не ведая холодных рос,
Он членом клумбы равноправным.
Трудов не зная и забот,
Так поживал на печке кот.
Послушен и весьма смышленный,
И аккуратный по всему,
Такой весёлый, славный, томный:
Ну, как не радовать ему
Короткой маминой души.
А папа? Папу не спрошу.
Не радовать усталых нянь,
Но отдадим им тоже дань.

XII

Не правда ль, хорошо он жил:
И буквы, и стишочки знал,
А уж стеснительным он был-
Себя прекрасно показал.
Детсад гордился им тогда,
А мать гордилась им всегда.
И к школе знал он алфавит,

И без запинки он считал,
И без ошибок жирный шрифт
Довольно бегло разобрал,
На палочках и так слагал,
И даже, к диву, умножал;
И вундеркиндом слыл не зря,
А маме снилась славная стезя.

XIII

Особой строгости не зная
В ученье он легко проник.
Во всё и вся почти играя,
Он скоро – первый ученик.
Весёлый, славный и забавный,
И даже кой-когда развязный,
Любитель разных школьных дел,
И в играх первый наш пострел.
В кружках он тоже преуспел,
И в школьном хоре даже пел.
Но петь без слуха? Что же в том?
Уйдёшь ты всё равно потом.
Да дел не переделать всех,
Их бросить можно без помех.

XIV

Ах, школа, давние года!
Их закатилась уж звезда,
Но вспоминаю иногда.

Увы – увы, ушли года...
Тогда живали мы шутя,
Не утруждаясь, не горя:
Слегка уроки мы учили,
Едва мозгами шевелили,
Мозоли на руках мы не носили
И потом книги не кропили,
И о куске о хлебном не тужили.
Да-да, с тобою мы так и жили.
Не исключенье наш герой:
Не ведал жизни он иной.

XV

Вот так приятель обучался:
Имея с детства ум живой
Одним уж этим отличался
Той давнею, забытою порой.
Немного логики и самолюбия,
Чуть-чуть усердья, капельку бездумья,
А память можно приучить
Запоминать всё без разбора,
Задачки можно и решить.
Хоть попотеешь. Нету спора.
А бойко у доски болтать
Нас и не стоит заставлять.
Ну, где же нам не пропадать,
По жизни весело шагать?

XVI

Заботы в жизни не имея,
Не думая серьезно ни о чём,
Перечить никому не смея,
Годов шестнадцати достиг меж тем.

Он знал десяток слов английских,⁶
Читал с запинкой с "сих" до "сих",
Но всё равно легко и верно
Он различал любой ярлык,
Знал и "Битлов", пускай и скверно,
Но стерео колонок рык
Тогда ценил уж мой старик,
И сразу, без задержек, вмиг,
Определить ансамбль мог,
Любил и джаз, и блюз, и рок.

XVII

Но, как и все, ценил Дассена,
Любил оркестры и тогда,
И даже слушал он Шопена,
А Пугачеву обожал всегда...
От скуки Пушкина читал,
Толстого по частям глотал,
Себя Печориным воображал,
Найдя в себе его черты,
А жить, как все, он не желал:
Особый он, ни я, ни ты.

Как он живёт – не жил никто,
И жизнь не ставил ни во что.
Герой иной ему не мил,
Но образом он этим жил.

XVIII

Пред вами я не согрешу:
Отброшу бред. Я сам мечтал.
Лишь вам подробно опишу,
Что на досуге он читал.
Проблема ж эта не простая,
Причина в этом вот такая:
Читал он много, бессистемно,
Хоть удивить тем некого наверно.
И на столе всегда, бессменно
Дежурит книга. Что уж верно:
Я видел томик двух друзей,
Где был описан во красе во всей
Собрат мой, шарлатан отменный,
Боец купюрный, несравненный.⁷

XIX

Он в переводах Байрона читал,
И "Гамлета" не понаслышке знал,
Про что-то Шиллера пытал,
И даже Канта в руки брал.
Прочёл из "Капитала" главы три,
Хотя мне скажут: ты не ври.

Он между делом Библию прочёл.
Легенду о творенье мира ⁸
К картинкам пошлым только свёл.
И потому считал – мура,
И в атеистах состоял,
Про духов в жизни не слышал.
Не верил в бога просто так,
А тот и повода не даст никак.

XX

Ещё прочёл журналов ряд:
Научных, критики и так,
И стихоплетов он отряд
Осилит запросто. Вот так:
Информационный этот бум
Легко осилит его ум.
Но скоро стал он тосковать
И даже меньше стал читать,
О шмотках напрочь забывать-
Наверно начал созревать.
А в хоре он давно не пел:
Совсем испортился пострел.
Подался в спорт от скуки он.
В его-то годы? Скверный тон.

XXI

И на уроках начал он скучать,
И слишком часто уж зевать,

Уж думал школу он бросать,
Но стал лишь только сачковать.
Так доучившись кое-как,
С четверкой аттестатной наш чудак,
Вот уж на жизненной дороге
Он очутился. Наконец!
Ничто не держит на пороге!
Свобода есть всему венец?!
Но выбор перед ним лежал,
А вот какой он слабо представлял,
Но Гречко показался строг,⁹
А участь эту избежать он мог.

XXII

Его пугал солдатский быт,
Казарм зловонный неуют.
Он был избалован и сыт,
Не нужен был ему приют.
Возрос он как бы на свободе,
Спешить туда нет смысла вроде:
Там нет ни мамы, ни отца,
В богах, по штату, – старшина,
А службе нет никак конца...
Но хуже всё ж порой одна
Команда поутру дана
(Пошёл ты к чёрту, старшина!):
"Подъём. Скорей, орлы!" -

И драишь вслед за тем полы.

XXIII

Там жизнь тошнее в сотню крат,
Что к смерти дни спешат все гнать,

Там всем неволя – сущий ад,
Там днём и ночью хочешь спать.

Там каша синяя с тоски,¹⁰

Там выдают раз в год носки,¹¹

Там по ночам мерещатся торты,

Котлетки мамины шипят,

Столы обильные накрыты.

Вот-вот и пробки полетят,

Шампанское игристое польётся,

Друзей круг прежний соберётся,

И потечёт веселья мощный ток,

И тишину разрежет рок.

XXIV

Стезю этой не прельстясь,

Не видя перспективной службы,

В душе её порой страшась,

Не оценив армейской дружбы,

Решил податься в институт,

Чтоб конституции избегнуть пут.

Тогда лохматый, грозный Марс

Студентов всё-таки прощал,

(Для нас, конечно, это дар-с)

В казармы с лекций не тащил,
Хотя в жрецы производил:
Погон заочный нам лепил,
Пусть и сапог ты не носил.
Но бог уж это нам простил.

XXV

Не зная мир, не зная страсти,
И не предвидя будущей стези,
Что уж давно сродни напасти,
И мода, чёрт её срази,
Он выбрал город поначалу
И институт по номиналу:
Чтоб был престиж его и слава,
Да конкурс, чтоб пройти он мог.
Так выбираем жизнь мы, право,
Нас не заботит и итог,
Нас не заботит и призвание:
Нам хватит одного названия.
И мы пойдём другим путём,
За голову хватаясь уж потом.

XXVI

Ошибок этих не исправить,
И вспоминая в тишине,
Придётся с горечью оставить,
На дне души, в грязи, во тьме.
Рассказ продолжим же пока,

Нас не сожрала всех тоска.
Приятель выбрал Питер град,
Найдя, что древняя столица
Для жизни просто суший ад,
Не то, что питерская львица:
Чуть меньше шума, толкотни,
И камни в исторической пыли,
Там катит воды мирная Нева,
И помнит Пушкина трава.

XXVII

Великий град, холодная столица,
Я не топтал твоих берегов,
Не видел я твоей зарницы,
Не гладил я крылатых львов,
Не пил, Нева, твоих я вод.

.....

XXVIII

.....

XXIX

Вот наш Аркадий, наконец,
Избрав свой путь весьма разумно,
Стал невских берегов жилец
С надеждой жизнь влачить там шумно.
А город так его пленил,
Что он о прошлом позабыл:
В объятья Питера попал.

Свобода парня закрутила,
Да город хороводил бал,
И жизнь казалась очень мила.
Он волочился очень шумно.
И вёл себя довольно неразумно,
Пока попойки не достали
И блеск они не потеряли.

XXX

"Кто был студентом – знает младость,
Кто был солдатом – знает жизнь", -
Пусть в тех словах и правды малость,
Но это тоже наша жизнь.

Забавам юности лениво придаваясь,
Теперь в них сильно сомневаясь,
Он, темпераментный и страстный,
Стал тяготиться сим занятием.
Но этот случай в общем частный:
Не наделён был этим счастьем.
Уж с женщиной скучал тихонько он,
И взгляд прелестнейших мадонн
В нём вызывал тоску глухую,
И даже злобу, в общем-то, простую.

XXXI

И глупой юности прелестные черты,
Хоть искренние, нежные, живые,
Что так бывают нам милы,

Черты те стали для него чужие.
И не торчал уж ночи на скамейках
И не сидел до утра на ступеньках,
Он перезрел для сих занятий,
Как перезреет ранний плод,
Румяный и весьма занятный,
Но червем пожираем тот:
Червём всегдашнего сомненья.
Синдром: тягчайшее безделье.
Не разбираясь в жизни сильно,
Он жил на свете, впрочем, мирно.

XXXII

Ну, точно ж вы уже решили,
Что это я? Что мой портрет? ¹²
Избавьте! Вы не поспешили?
Ведь до него мне дела нет.
Тут отведу все подозренья,
Вам покажу и в этом рвенье,
Как Пушкин сделал так давно,
Что и забыть немудрено.
Но всё ж добавлю лишь одно,
Хоть это может и смешно:
Когда студентом я бывал,
Я много время отдавал
Не книгам – личикам прекрасным,
Глупышкам редкостным, ужасным.

XXXIII

Тогда ценил веселья плеск,
Живой характер, волос тёмный,
Прекрасных глазок жадный блеск
И разговор ленивый, томный.
Любил и глупость даже я,
Сносила всё душа моя.
Срывал ночные поцелуи,
Ценил подлунные амуры
И, убивая время всуе,
Любил наивность, шуры-муры.
Ввернул б зефира лёгкий бег,
Да вот беда – не выношу я нег,
И мне писать трудней в сто раз,
Хоть был и у меня когда-то час.

XXXIV

Быть может, я тогда любил?
Нам это не узнать.
И скольким глазкам грубо льстил?
Мне было свойственно играть,
Безумством скучным всех пугать,
И долго про себя ж себя ругать.
Но кровь холодная шипела,
Как незрелое вино,
И пена винная летела,
Но не смиряла кровь оно,

А мой характер многих уж пленял,
А волю я себе давал,
Чужие слёзы проливал,
И так, помалу, остывал.

XXXV

Аркадий моей, мне не чета:
Он не молился жидкому амуру,
Что в те далекие года
Не пёр, как я, такую дуру,
Но от компаний не отстал,
Но реже с ними всё бывал.
Учебой тронутый он мало-
В день курсовые всё ж писал-
И на экзамен брёл устало,
Так как оценок не считал:
О будущем он не вздыхал,
Подмётком на ходу не рвал.
А институт он бросить и хотел,
Но, как и я, он это не посмел.

XXXVI

И доучившись, как и все,
И Питером уже наскучив,
Он выбрал, словно бы восне,¹³
И, мать тем выборов измучив,
Сибирь, глухую сторону,
Безбрежную, прекрасную страну.

И покати́л он на восток,
Гонимый́ зудом перемены,
В то место, где берет исток
И собирает воды смелы
Великий, грозный Енисей,
Как собираем мы друзей,
И мчится к берегу морскому,
Как к брату старшему своёму.

XXXVII

Он так в Сибири оказался.
Его ж туда никто не звал,
И от родных он оторвался,
И делать толком, что не знал.
Не знал, куда ему податься:
Домой скорее отправляться,
Или дальше здесь ему торчать,
Себя от жизни отрывать?
И мать уж этим огорчать,
На помощь бога уповать?
Но родичи так надоели,
И столько всякого напели,
Что видеть их уже не мог,
И жизни с ними он подвёл итог...

XXXVIII

Пока приятель мой хандрит,
Пока подушки проминает,

Пока от жизни воротит,
Пока и делать, что не знает,
Я здесь речугу закачу,
Хоть перед вами защищу
Посёлок: "где сучал Евгений".
Пускай плюет он в потолок,
Плутая в глупости сомнений,
С трудом ворочая в мозгу поток
Усталых мыслей целый ворох,
Пусть ловит слух усталый шорох,
Пусть ходит муха важно по стеклу,
Да мышь скребётся тихонько в углу.

XXXIX

Посёлок слыл большой дырой,
С чем соглашусь я не охотно,
Аркадий загибался той порой:
Тоска. Извечные полотна.
Ну, тысяч в десять, но не боле,
Притулился в прелестном доле,
У речки горной, даже чистой,
В объятых ивняков, черёмух, островов,
Чернел он над водою быстрой
Фасадами бревенчатых домов.
Кругом мечты моих всегдашних снов:
Обрывы скал, покатости холмов,
Остатки леса, призраки полей-

Всё это он, и нет того милей.

XL

Да, это всё ж была дыра-
Оговорюсь тут с грустью я-
Ну, помнится, прелестная гора,
Где он шатался часто зря.
Там он бродил по островам,
И должное отдал лесам:
Валялся в травах и цветах,
Пугая чуткое зверьё,
Витал в беспочвенных мечтах,
Да проклинал своё житьё.
Но там же он имел друзей,
Живя намного веселей,
И с ними не один бокал
За здоровье залпом выпивал.

XLI

Посёлок славный, он меж тем
Ничем не отличался от подобных,
Похожих меж собою всем,
Поселков для житья "негодных":
Кинотеатр, два иль три,
Не ошибусь, держа пари;
Да магазин с названием гордым:
"Универсам" иль в этом роде,
Порядком установленным, претвердым.

(Что свойственно им по природе).

Асфальт на улице одной,
Щебёнка, камень – на другой,
На остальных такая грязь,
А колеи – такая мразь. ¹⁴

XLII

Найти там можно без хлопот
"Учреждений" разных много,
Перечислять их можно год-
Они рассыпаны из рога.
Но там тоска, ну сущий ад,
Что нам не нужно и наград:
Пересмотреть за день сумеешь
Все фильмы, что везде идут,
Что дальше думать и не смеешь.
И дни в тоске такой бредут,
И зной по улицам плывёт,
И жирный гусь к воде бредёт,
Там я ленюсь почти весь день,
Не навожу тень на плетень.

XLIII

Но те посёлки, я скажу,
Имеют массу преимуществ.
Я кратенько их опишу,
Как опись сельского имущества:
Там ходят в гости все соседи,

Через забор кричат, как дети,
По вечерам там каждый день
Сидит на лавочках народ солидно,
Укрывшись под черемух сень,
Он обсуждает очень мирно
Проблем солидных целый рой,
От цен на рынке и порой
Касаясь мировых проблем,
Философических дилемм.

XLIV

Там знают все в лицо друг друга,
Про всех там знают наперёд,
Все знают у кого подруга,
И где сегодня кто пройдёт.
Там можно смело через шаг
Всем говорить мол: "Гутентаг"
Или "Привет". Какое дело,
Что человек не знает вас-
Вы повторите это смело-
Его ты видел много раз.
Не то, что в городе большом,
Пускай и в чём-то вам родном,
Ты не найдёшь порой за день
Знакомого, пожалуй, тень.

XLV-XLVII

.....

XLVIII

Я описал. Чего уж более? ¹⁵
Мой друг иное же любил.
Попав впросак по доброй воле,
Он тосковал по мере сил.
К тому же хладно принят был,
И то умерило нежаркий пыл.
Посёлок жил весьма застойно-
Там делать нечего душе достойной-
Но он терпел, сносил спокойно,
И вёл себя весьма пристойно.
И ко всему б со временем привык,
И время это счёл за миг,
За прихоть юности, капризы,
Театра захудалого репризу.

XLIX

Сошлись мы накрепко тогда...
Мне нравилась в нём простота,
И вспышки злости иногда,
И тонкость воспрिया́ть та,
Что шла от жизни и людей,
Хоть, впрочем, многих был добрей.
Мне нравились его мечтания.
Я здесь его порой пытал,
Но все его случайные признания
Я по крупнице собирал.

Он редко чем-нибудь делился,
И откровенно не стремился
Себя пред нами выставлять,
Тем паче слабость показать.

L

Мы редко были с ним вдвоём,
Хотя встречались постоянно,
И спорили, но чаще ни о чём,
Но горячо и даже рьяно.
Воспитанники школы мы родной,
Стезёю шли мы всё же не одной.
Нас мало быт презренный призывал
И тёплый угол нас не ждал,
И женщин взор не так уж звал,
Но рок над нами уж витал.
Он одинок был, как и я,
И никакое ещё бремя
Не тяготило наших душ,
Хоть многое поняли уж.

LI

По вечерам и днем когда,
Порой вдвоём, порой с друзьями,
Текла подолгу иногда
Беседа пылкая меж нами.
Бродили часто мы в полях,
Шатались в призрачных лесах,

И разговор частенько принимал
Довольно смутные черты:
Предметом часто там бывал
И спиритизм, история Будды,
Проблемы мира и войны,
История и экономика страны.
Бывали темы и иные,
Не дай же бог перечисления большие.

LI

Меня уж можно упрекнуть,
Что я черты романтики туманной
Посмел пред вами развернуть,
Как будто без фигуры странной
Мне нечего убогому писать:
Но про него мне стыдно врать.
Ну, право, был он славный малый,
Никто бы не сказал – простак,
А взгляд внимательный, усталый,
Нам скажет: он – то не дурак.
Но коль дичился он людей -
Имел причины в том скорей,
И общего он с массой не имел.
Бедняга, как же он посмел?

LII

Ну что ж, уж я устал сегодня.
Закончим дело. Хватит с Вас.

И Муза, всех поэтов сводня,
Уж вас примучила не раз.
Но если чем-то не по нраву
Пришлась она, тогда на славу
Захлопни книжку, милый друг.
Ну, право, там не интересно
И скучно. Брось, коль недосуг
А в жизни? В жизни все известно:
Все по инструкции. Е – ей,
Закончим же главу скорей!
Я ром в стакан себе налью,
Да за главу втихушку пью.

Примечание к первой главе

¹"Так думал молодой повеса

В пыли летя на почтовых.."

А. С. Пушкин.

² Аркадий Бийский сэр и гранд – сэры и гранды у нас перевились вместе с господами, что и слава богу. Правда некоторые пытаются превратится в господ, но их потуги, на мой взгляд, тщетны. До настоящих господ и, господ не по происхождению, этим господам далековато, как сытым и туповатым барам до мудрости отшельника. По поводу фамилии моего героя. Безусловно я следовал по следам наших классиков, но, поскольку я сибиряк и не знаю ни Онеги, ни Печеры, а полоскал сопли в таких небольших ручейках и лужах, как Енисей и Амур, Байкал и Ангара, Тихий океан, то фамилию ему подобрал сугубо соответствующую – по истокам Енисея, «где некогда гулял и я, но вреден север для меня».

³ Я не пытался изображать велосипед и изображать нового Евгения Онегина, просто мне было интересно вести вымышленного героя по тем же ипостасям, что вёл своего Пушкин.

⁴ Пусть ценители А.С. простят мое вольное обращение с классиком, но это "не по злобе", как говаривал один мой приятель.

⁵ Размером "Онегина" я не пишу. Я не сын 1812 года, с

его подъемом и радостью победы, с его залихватским ямбом, я дитяти 70-х.. Да и классическим сонетом я не балуюсь с его довольно сложной рифмовкой, катранами, терциями и прочими прибабамбахами, не всегда соблюдая размер, точную рифму и проча, проча. Впрочем, сонет довольно сложное явление и здесь многие приложили руку, изобретая что-то новое, начиная от "безголовых" сонетов, "хвостатых" и прочее. Мне до них нет дела, мой "сонет" скорее простая форма в четырнадцать строк, чем сонет, где я больше ценю содержание, чем форму. Я даже мало внимания обращаю на рифму, особенно грешу глагольной, что не приветствуется, хотя я считаю, что она прекрасно отражает ритм, но это мне уж простит бог, но, видимо, не мои критики.

⁶ "Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал.."

А. С. Пушкин.

⁷ Герой "Двенадцати стульев" и "Золотого тельца" – Остап Бендер.

⁸ Библию, однако, пытаются у нас преподавать в школе, но сие есть уже идеология. Мысль о том, что миром правит существо, по образцу и подобию которому создан человек, ко всему прочему всемогущее, выглядит наивно. Или оно не всемогущее или библия врёт, что человек создан по образцу и подобию, тогда ей грош цена. Кроме всего прочего любая церковь есть уже творение рук людских и о её божественном

происхождении смешно даже говорить. Проще поверить в разумность вселенной, чем в бога.

⁹ Гречко-министр обороны при Л. И. Брежнев.

¹⁰ Плохо приготовленная перловая каша имеет синеватый оттенок, в чём я убедился сам.

¹¹ Носки выдавались в тот период солдатам только под парадную обувь. Может я и ошибаюсь, поскольку носил офицерские погоны и особенно не вникал в нужды солдат, мало подходил по образу мысли к офицерскому сословию, хотя меня и считали в их среде своим, как Пушкина среди военных.

¹² "Как Байрон, гордости поэт.."

А. С. Пушкин.

¹³ Повествование относится к восьмидесятым годам, а тогда направление студентов на отработку было обычным делом, что ранее считалось пыткой и унижением – в нынешнее время смотрится благом.

¹⁴ ...грязь – мразь, – что-то подобное есть у Высоцкого.

¹⁵ "Чего же более? Свет решил.."

А. С. Пушкин.

Глава вторая

Скучно на этом свете, господа.

Н.В.Гоголь.

*И скучно и грустно и некому
руку подать...*

М.Ю.Лермонтов.

I

И для чего мы в мир сей входим:

Какую роль должны играть,

Зачем по этой тверди бродим,

И что должны своё сказать?

Какие ждут нас на пути напасти,

Какие маленькие страсти

Нас поведут по жизни всей:

Иль ветер жизни нас иссушит,

Рабом ли станем мы идей,

Бабёнка глазками присушит,

Иль путь, едва начав, измучит.

Ошибка ничему нас не научит,

И следом ляжет нудная дорога,

Какого ждём мы от неё итога?

II

Иль на вещах мы все свихнёмся,

А сердце сменим на мотор,

С тоской пошлятины напьёмся,
Собрав в мозгах и грязь, и вздор;
Или вином мы обожрёмся,
В похмелье скучно окунёмся,
Чтоб не смотреть на жизнь в упор,
Чтоб ничего не делать в жизни,
Чтоб душу не сжирал укор.
Как словно на своей мы тризне
При жизни оказались вдруг,
И, побоявшись показать испуг,
Тихонько отошли в сторонку,
Живя без пользы и без толку.

III

Или в каморку мы запрёмся,
Отгородившись ото всех,
И в телевизоры уткнёмся,
Для развлечения и утех,
Или дитя одно родим
И будем бегать век за ним?
Или предметом сделаем успех,
Положив силы на обман и блеск:
Фортуны скоротечный смех,
И славы милой мощный всплеск.
Чтоб им упиться до отвала,
Пока волна твоя не спала,
Или ещё чего изобретём,

На жизнь в конце пути сопрём.

IV

Но бытие есть наш кумир-
Со школы это каждый знает,
Поскольку Маркса русский мир
До ныне на цитаты раздирает.
И мы за «Капитал» не брались,
Тем паче сердцем не касались.
А ведь живём. Какое дело нам,
Что мы на свет произведём?
И будет память лишь друзьям,
Иль мимо как-то проплывём,
Что и на наших похоронах,
Как знать, великих или скромных,
Не проворчал чудак, сощутив век:
"А был вообще-то человек?"

V

Но мы себя ваяем сами,
Резцом небрежным и немым,
И неумело, сказано меж нами,
Уверенно, что выглядит смешным.
Мы сами лепим для себя кумиров,
Иль из себя творим сатиров,
Взираем робко в чей-то рот,
Банальной мысли плещем дружно,
И, падая из года в год,

Не замечаем: ничего не нужно.
Чужое кое-как усвоим,
Себя из жизни тем уволим,
Иль будем, как Онегин, вслед брести,
Да груз мозгов в тоске нести.

VI

Аркадий жил анахоретом: ¹
Вставал он рано поутру,
И, с наступлением рассвета,
Топтал росистую тропу.
Подтягивался раз по двадцать,
Затем ещё, минут пятнадцать,
Купался с наслаждением в реке,
(Что шепот вызывало и усмешки).
Перекусив лениво, налегке,
Он на работу шёл уже без спешки.
Обед в столовой после часа,
И ужин там же раз от раза.
Затем в библиотеку заходил
И след часа он два бродил.

VII

По ночи долго он не шлялся:
Пытал уж дома толстый фолиант,
Усердно в мудрости копался-
Достойный лучшего наш фронт.
На сон грядущий пил он чай.

Крепчайший! Больше наливай!
А перед сном немного отдышал
И, как убитый, засыпал;
Пока зарю будильник не орал,
И день поспешный наступал,
И в окна лучик уж влезал.
И, как вчера, он протекал:
Без изменений и тревог,-
Он по-иному течь не мог.

VIII

Но нам ещё даются воскресенья.
Про них сам бог оповестил:
Тогда не нужно трудового рвенья,
И траты времени и сил.
Тогда уж можно поваляться
И вволю можно отоспаться,
В охотку чем-то и заняться,
Не тем, что в жизни суждено:
Хоть в гости к другу нам собраться,
(Мешать кому-то – всё одно),
Иль на рыбалку с ним податься,
Иль просто в речке искупаться
Нам можно в эти же часы,
И греть на солнышке носы.

IX

Аркадий наш режим не изменял:

Поутру рано он вставал,
Кросс свой обычный пробегал,
Купался, ел и отдыхал.
Затем подолгу что-то он писал,
Над писаниной этой размышлял.
С обеда он всегда гулял,
В луга и перелески забредал,
Цветов немало там измял,
Букетами зачем-то собирал.
А вечер проходил обычно:
Сидел над книгами привычно.
В них, видно, истины искал,
Но чаще, лишь начав, бросал.

Х

Соседа нового явление
В посёлке вызвало фурор,
Но языку хватает рвения:
Он сразу суд и прокурор.
Сначала все его манеры
И бывшие уже примеры
Не вызывали этот зуд:
Лишь все невесту подбирали.
Ну что ещё добавить тут?
Уж этих кумушек мы знали:
Они не раз нас зазывали,
Не раз и глазками играли,

Не раз невестами стращали,
Не раз так мило обольщали.

XI

Но наш Аркадий в их кругу зевал,
И, если мог, то – избегал,
В уме их шаржи грустные марал,
Но, понимая всё, прощал.

А девки наши походили,
Но дружно этак порешили:
Что в жизни он – балласт и груз.
Что ждать? И что с него иметь?
Что ж будет с тех семейных уз?
И как гадать, на что смотреть?
Зачем он им? Его же не понять!
Уж лучше кто попроще запрягать,
С постели ими управлять.
Нашли, что явно он дурак:
От счастья пятится, как рак.

XII

Но общий глас его не задевал,
Отнюдь не обходя вниманием,
Словам таким он цену знал,
И знал умом и подсознанием,
Что это недостойно человека,
Что недостойно ни души, ни века.
Его оставил милый пол,

Молва ж его не оставляла,
Но на неё он не был зол,
Хоть та усиленно гадала:
Зачем живёт на этом свете?
Везде совались, словно дети,
А натыкаясь на стену,
Предполагали тайну не одну...

XIII

Но тайн там вовсе не бывало.
Воображенье – вечный поводырь,
Кругом лишь страхи рисовало,
Предполагали: он – упырь.
Мы всех пороком наделяем,
Достоинств их не замечаем,
И всех и вся, всегда ругаем,
Понятных для себя – прощаем;
За то одно, что просто понимаем,
Что в кошки-мышки с ними мы играем.
Поскольку нечем нам заняться,
Поскольку все должны равняться
На чьи-то образы и образцы.
(Простят сарказм почтенные отцы.)

XIV-XVI

.....

XVII

Народ Аркадий этот знал...

Что сплетников – не перелязть,
Он их за это призирал,
И знал ещё – их не исправить.
Не каждый это понимал
Или вниманья обращал.
Но всякий раз к нему вослед-
Уж удивляет это Вас-
Захаживал небритый дед,
Просиживал с ним битый час,
Болтливый и смешной сосед
До нэпмановских этак лет.
Аркадий с ним порой болтал
И, как соседи все, не гнал.

XVIII

Он, в общем, жил вполне пристойно:
Без криков, ругани и склок.
Одним уж словом: жил достойно
И по-другому жить не мог.
И по танцуйкам даже не ходил,
И рёвом мотоцикла не глушил
Аборигенов толстых и ленивых,
И сказками их не пугал,
Не трогая душонок вшивых,
Но никого не подпускал,
Но и себя не выделял
И никому не подражал:

Почти что, как и я, живал,
И, как и я, тогда зевал.

XIX

Я думал полный уж портрет
Нарисовать я здесь сумел,
Но разобрался: всё же нет,
Хоть кое-что я всё-таки успел.
Но и коснуться не посмел,
Меж глупых мыслей, разных дел,
Чем тот на службе занимался:
Какую лепту он свою вносил,
Что добивался, как старался,
И сколько на неё он тратил сил?
Иль ничего он не держал,
Иль в жизни нашей что-то ждал,
И колотил трухлявый пень,
Чтоб пролетал быстрее день?

XX

Труд всё же создал человека,
Уж тривиальней мысли нет,
И нам трудится суждено от века
До самых дряхлых, древних лет.
А мы-то сильно обленились,
Хотя к обратному стремились,
Теперь нам блага подавай:
Машины, дачи, проча, проча-

При этом нас не утруждай...
А труд извечный вам пророча,
Мы молодость с тобой пугаем,
Себя ль работой загружаем?
А в жизни? Место мы найдём
И по тропе до смерти добредём.

XXI-XXII

.....

XXIII

Мы изменились мало с веку:
Нас никуда не развернешь.
А много ль надо человеку,
Когда привычно ты живешь?
Ведь нас извечное авось,
Иль всем известное небось
По жизни нашей всех ведёт,
Пока нас сильно не толкнут,
Иль злоба просто заберёт,
Иль трёпку дурню зададут.
Потом уж будем мы чесаться,
Потом начнем с тобой ругаться,
Тогда лишь только и пойдём,
И дело быстро провернём.

XXIV

И где ж, и где ж нам до прилежных
Педантов готских иль других

Надутых саксов с островов прибрежных,
Иль Янок, очень деловых,
Японцев, мало нам понятных
И с мыслию для нас невнятных.
Пусть жизнь и нас частенько жмёт:
Но всё ж любой на хлеб найдёт,
Пусть пот испуга или страха льёт,
Судьбу народ порой клянёт,
Но нас с тобою не проймёшь:
С ленцой по-прежнему живёшь.
Таков наш русский человек,
Его создал и наш тут век.

XXV-XXVII

.....

XXVIII

Но отчего с тобой орём:
Что дорого или Китая дрянь,
И миру ничего мы не даём?
Ему же платим нефтью дань,
Что заграничный дядя Сэм
Владеет миром между тем?
Что мы уже давно не те,
Что развалилась и держава,
Что мы погрязли в суете
И мы достойны больше, право.
Мол воевать устали мы,

Для мира мало мы годны.
Сейчас без целей мы бредём
И торгашей портрет несём.

XXIX

Куда уж дальше забираться?
Не опишу всего я вам,
Но в душах наших же копать
Уж некогда с тобою нам.
А чем герой тогда занялся:
К чему усердненько он рвался,
Какую лепту внёс свою,
Какую свежую струю,
К какому новому огню
Он подложил лучиночку свою?
Какие мысли там бродили-
Тогда уж сильно мы прогнили...
Аркадий это понимал,
И изменить он всё желал.

XXX

Сначала делом он занялся
И разбираться даже стал,
Но белою вороною казался,
И намекали: нос, чтоб не совал...
Его никто не поддержал,
А он ломиться далее не стал.
Но должно все-таки сказать:

Упорства он не воспитал.
Здесь нужно было бы ломать,
Но жизни свою он прошагал
Под строгим оком разных нянь,
Хоть лучше видел нову грань ²
И сложность предстоящих дел,
Но сам в душе их не хотел.

XXXI

А цели в жизни он не знал:
Поскольку власть он презирал,
И вверх ползти он не желал
И за тщеславье он карьеру почитал;
За деньги биться он не мог,
Поскольку в них не видел толк.
Но, впрочем, их он не имел,
Предпочитая книжек ряд,
И потому и думать не хотел,
И вещи новой был не рад,
И славе цену тоже знал,
Так ничего и не желал.
Семью ещё он презирал,
Под юбкою приюта не искал.

XXXII

Глупец? Но глупость более оруча:
Она всегда своё возьмёт.
Пускай она пуста, звонка, трескуча-

Она всё знает, танком прёт,
Не различает честь и подлость,
Не ведает про слово гордость.
Он может воли не имеет,
И цену не познал себе?
Перечить никому не смеет-
Итог: сгорит он, как в огне,
Иль тихо отойдет в сторонку,
Боясь ввязаться в эту гонку.
Таков закон у жизни всей,
Немало здесь лежит костей.

XXXIII

Так мы теряем и таланты,
Теряем мимо проходя.
Не вырастают и гиганты
И, занимаясь чем-то не хотя,
Мельчают, падают, сгорают,
Как динозавры вымирают.
Но мы богаты даже здесь:
Земля иных для дел родит.
Для нас не будет это весть.
А мы готовы всем сорить,
Готовы их не замечать,
Как не умеем мы считать,
И выгод всех не извлекать,
Согласны даже прозябать.

XXXIV

Аркадий мой талантов не имел:
Ты хочешь верить, то – поверь.
Пусть ямб с хореем различал,³
Но что он знал – поди проверь.
Ведь интеллект уж вещь такая...
Что кое-где он и стена глухая,
Кой-где мой друг – большой болван,
Где собеседник из умнейших,
Но уж язык нам точно дан,
Чтоб не вести речей глупейших.
Он лишнего вообще-то не болтал,
И ум успешно он скрывал,
Не горячился даже в споре,
Но в этом я не вижу горя.

XXXV

Наш ум фонарик иль прожектор-
Не помню, это кто сказал-
Но освещает только сектор,
Чтоб ты в потёмках не блуждал.
Аркадий будто что-то ждал,
В работу сильно не вникал,
И вёл себя, как все, обычно:
Делами всё же занимался
И, совершая их привычно,
К обеду он уже не рвался-

Часа за три он управлялся.
А чем другим он занимался?
Он чай солидно попивал
И с сослуживцами болтал.

XXXVI

А там обед уж приближался,
А он его не пропускал:
В столовке скверной он толкался
И быстренько еду глотал.
Поскольку наш-то общепит
Ещё доньше шибко не блестит,
И страстбургский пирог нетленный
И ресторацию Талон,
Клиент обычный и бессменный,
Усмешкой поминает он.
Но всё же это он жевал
И язву, верно, наживал.
Затем немного он гулял,
Стопы обратно направлял.

XXXVII

А там уж до конца сидел.
Он мог, конечно, чем заняться,
Но ничего обычно не хотел.
Пусть ничего он не боялся,
На неприятности не рвался,
С начальством даже не ругался.

Он даже книжек не читал,
По магазинам не бродил,
И сослуживцам он не врал,
И женщинам вообще не льстил:
Не развлекал историями, сказками,
И не играл пред ними глазками,
Хоть молодостью всех смущал,
И этим много обещал.

XXXVIII

Так наш приятель прозябал:
Ничем от всех не отличаясь.
Быть может: ничего не понимал,
Иль незаметным быть стараясь.
Но он к чему-то всё ж стремился,
Втайне над чем-то глупый бился,
А дни текли, словно вода:
И без отметин, без примет-
Пока не сложатся в года,
А оглянёшься: ничего уж нет.
Лишь горечь улетевших лет,
Души погибший в жизни цвет.
Быть может: он чего-то ждал
Иль выход силам он искал?

XXXIX

Пока же бег свободного романа ⁴
Мы устремим куда-то вдаль,

Поскольку спать довольно рано,
А нас всегда манила даль.
Манило пошрое далеко,⁵
Подобно прошлого оброка
Всех поэтических дружин,
Кокеток скучных, слащеватых
Иль выживающих седин,
Иль юношей прыщаво – рифмоватых,
Меня, когда был молодым,
Но всё растаяло, как дым.
Теперь давно я нелюдим.
Мечты? Я неподвержен им.

XI

Теперь за жизнью я бреду,
Спешить уж никуда и не спешу,
А так: тихохонько иду
И больше для себя пишу.
Мой поэтический кристалл⁶
Доныне в общем не блистал:
Я много лишнего писал
И много глупого болтал,
Словами легкими играл,
И повод критики давал.
Пускай ругают все меня,
Не огрызнусь теперь уж я:
Остыла уж моя душа,

И пепел сыплется шурша.

XLI

Я, как обычно, заболтался:

Писал вступление, писал,

И краткости учился я, старался,

Но всё ж его так не дождал.

Не буду больше отвлекаться:

Теперь мне некуда податься.

Что не писал? Его наряд?

(Описывать так всё подряд).

Насыпать швейникам нам яд?

Да будет. Я тому не рад.

Но он носил костюм обычный,

Заметим, что весьма приличный,

Поскольку вкус имел простой

(А может вкус-то быть иной?).

XLII

Но одевался он слегка небрежно.

Но в меру. Мера есть закон.

Но и за модой не следил прилежно,

Хоть сохранить старался тон:

Чтоб из толпы не выделяться,

Да на глаза не попадаться.

Но был, как все, он сыном века,

Пусть не считался он ни с чем,

Но нет наверно человека,

Что с миром тот порвал совсем.

Он не был ветреной Венерой ⁷

И обходился малой мерой:

Не убивал день напролет,

В надежде глупой – кто взглянет?

XLIII

Но не хотел, чтобы косые взгляды

Иль едко брошенный смешок,

Высмеивал его наряды,

Ходил кругом пустой слушок.

По пустякам его тревожил,

Пустые чувства, сплетни множил.

Он выяснять, вообще-то, не стремился,

Что думает вульгарный вкус.

Но делал так, пусть и над тем не бился,

Чтоб тот не делал тайно свой укус.

Но нас встречают по одежки,

Мы все идем по той дорожке,

Хоть по одежке провожая,

Дурному больше подражаем.

XLIV

Хотел о вкусах далее писать

И глупость мудро излагать,

Одно и то ж по-разному жевать,

Но болтовню пора кончать.

Вот только я ещё не описал

Квартиру, где он прозябал.
Но надоел уж мне презренный быт:
Хоть в нём живу, хоть я и плут,
Но грязью этой уж по горло сыт,
Мне жалко даже тратить труд.
Кровать, диван и колченогий шкаф,
Приемник рижский, марки ВЭФ,⁸
Два кресла сразу у окна, -
Так, скукота везде одна.

XLV

Ещё ковер, пусть не персидский,
Палас по полу весь в цветах;
Желудку нашему друг близкий⁹
И полка книжек в головах.
Стол, стулья, яркий бра
И в этом роде вся мура.
Бумага валом на столе,
И книги с ними вперемежку,
Газет меж ними штуки две:
Все в беспорядке, как в насмешку.
Аркадий беспорядок не терпел,
Но, справится с ним, не умел.
Хоть комнату в порядке содержал,
Но на столе бардак держал.

XLVI

Конечно женской бы руки

Там не заметили бы вы,
Но холостятской дряни и тоски
Там тоже не было, увы.
Да не нашли ещё б вы много:
Ведь через то легла моя дорога.
Я не люблю холодные квартиры,
Ни мягкий свет и не гардины,
И даже бряцанье в ней лиры.
Я вижу прошлые картины:
Я вижу глазки в темноте
И помню ласки ото всех в тайне,
И нежных щёк чуть видный пух...
Но воздух холоден и сух.

XLVII

Теперь уж много изменилось
В душе моей усталой и немой,
Теперь мне даже и не снилось
Похмелье уж пирушки удалой.
Теперь, как старый инвалид,
Что на печи весь век сидит,
Взираю на дела людей
И ус мотаю в кольца тихо,
Уж стал теперь я тяжелей,
И не бросаюсь в дело лихо,
Боюсь я юности беспечной
Со страстью незрелой, вечной.

Но, впрочем, даже я кипел
И часто первым быть хотел.

XLVIII

Теперь уж просто я вздыхаю,
Теперь покой один ценю,
Да эти байки сочиняю,
И для себя одно: бубню.
Люблю друзей кружек уютный
И разговор довольно смутный
О жизни нашей и делах,
И сплетни лёгкие с друзьями,
Ночник неяркий в головах,
И полумрак между огнями,
И шорох карточных тузов,
И шелест книжных в тишине листов,
И хохот дружеский орлов-
Занятие достойное богов!

LIX

Пускай ушёл я незаметно
Из круга вашего друга,
Как знать, вы чаще беспредметно
Взгрустнете, помянув меня.
Быть может, вспомните проказы,
Быть может и родителей наказы,
Которые забыли в тот же час,
И речки берега крутые,

Где водку пили много раз,
Да пересуды те пустые.
Конечно в памяти я вашей
Пусть не поэт, но дружбе нашей
То не помеха. Ей же бог,
Я умереть для вас не мог!

L

Пусть не вернуть давненько нам
Тот круг беспечный и мятежный,
Не дать обратный ход годам
И чувствам милым и небрежным.
Но сердце наше колыхнёт,
И память тут слегка кольнёт,
И с тем ползём по жизни нашей:
Кто шумно, весело, легко,
Кто тащится с тяжелой ношей,
Кто метит в жизни далеко,
Кто скромный выберет удел
И никаких не сдвинет дел,
Пройдёт, до жизни не коснувшись
И ни во что не окунувшись.

LI

Быть может труд сегодня милый,
Погаснет, не блеснув в веках,
Пусть даже жребий мой унылый
Не будет ни на чьих устах,

Но льщу надеждою себе:
Не канет мысль моя во тьме,
И через много-много лет
Читатель мой не усмехнётся
И не осудит мой сонет,
В презрении не отвернётся,
И будет жизнь со мною изучать,¹⁰
Конечно, будет почитать,
Но, даже, иногда читать.
Мечты? Но честь пора бы знать.

Примечание ко второй главе

¹ "Онегин жил анахоретом.."

А. С. Пушкин.

² ..нову – безусловно: новую

³ "Высокой мысли не имея,
Для звуков жизни не щадя,
Не мог он ямба от хорея
Как мы не бились отличить.."

⁴ "Евгений Онегин"

⁵ "Прекрасное далеко

Не будь ко мне жестоко..", – и т.д. и т.п. Жаль, что мы живем только раз.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Повествование относится к 80-м годам, когда эта марка неплохо котировалась.

⁹ "Евгений Онегин" А. С. Пушкина. Я, как и в предыдущих случаях, не стал себя утруждать поисками этой фразы, но здесь имел ввиду холодильник. Во времена Пушкина холодильников не было и в помине, за исключением примитивных холодильных камер, так что в друзьях А.С. их не числил,

как числят ныне телевизор или компьютер.

¹⁰ Там же. Я вновь отсылаю к первоисточнику мыслей и фраз, мне просто лень копаться в романе и искать подобную мысль. Вообще-то это нетрудно, но и самому читателю не грех вернуться к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.